

Станислав Аверков

**Секретные золотые
первопроходцы из
донской земли**

Станислав Аверков

**Секретные золотые
первопроходцы из донской земли**

«1000 бестселлеров»

2015

Аверков С. И.

Секретные золотые первопроходцы из донской земли /
С. И. Аверков — «1000 бестселлеров», 2015

«...Эта книга о той энергетике золотой Донской Земли, что позволяла ее воспитанникам – первопроходцам менять во второй половине XX века всемирную политическую атмосферу. О четырех из них – Героях в Советском Союзе практически ничего не знали и сейчас о них почти ничего не известно, ведь их деятельность и они сами были скрыты под завесой строгой секретности. О пятом Герое может быть известно многое и у нас, и за рубежом, но мало кто задумывается над тем, что его становление было связано тоже с Донской Землей...»Материал представлен в авторской редакции!

Содержание

Введение	5
Глава I. Бурные события на древней донской земле	6
1. Встреча выдающегося государственного деятеля Смирнова с его политехническим учителем Пальшау	6
2. Смертельная тайна «петушиных» окрестностей Новочеркасского переулка	8
3. Ленинградский археолог Серафима Капошина, влюбленная в Донской край	9
4. Смертельная драма в таинственном Золотом переулке	11
5. Золотой петух по имени «Курган Хохлач»	15
6. Вино на радость нам дано	17
7. Сын Новочеркаска генерал Лебедь и восстание в столице Донского казачества	18
8. Курган, помешавший виноградарям построить винзавод	24
9. Второй золотой новочеркасский курган – дело рук археолога Капошиной?	25
10. Неужели Капошина присвоила открытие второго золотого кургана во время Новочеркасского восстания? Новый поворот событий в деле об открытии золота Садового кургана археологом Львом Клейном во время Новочеркасского восстания	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Станислав Аверков

Секретные золотые первопроходцы из донской земли

Введение

Эта книга о той энергетике золотой Донской Земли, что позволяла ее воспитанникам – первопроходцам менять во второй половине XX века всемирную политическую атмосферу. О четырех из них – Героях в Советском Союзе практически ничего не знали и сейчас о них почти ничего не известно, ведь их деятельность и они сами были скрыты под завесой строгой секретности. О пятом Герое может быть известно многое и у нас, и за рубежом, но мало кто задумывается над тем, что его становление было связано тоже с Донской Землей.

Напрашивается вопрос, неужели энергетика Донской земли была настолько сильна, если выдала «на гора» трех дважды Героев Социалистического Труда, одного Героя Социалистического Труда и Героя Советского Союза, перевернувших политическое противостояние самых могущественных держав на нашей планете?

Раскройте эту книгу, познакомьтесь с тремя дважды Героями Социалистического Труда Л.В. Смирновым (1916–2001), А.М. Макаровым (1906–1999), С.П. Королевым (1907–1966), Героем Социалистического Труда Ю.А. Сметаниным (1925–1999) и Героем Советского Союза Г.А. Вартаняном (1924–2012). И вы откроете для себя кипучую энергию Героев, заставивших измениться многое на Земном шаре.

Начнем наше повествование с древних времен, позволивших Донской земле создать своих секретных героев. Но прежде чем окунуться в историческое повествование, предлагаю вам, уважаемые читатели, задуматься над четверостишием средневекового персидского поэта Омара Хайама:

Все, что видим мы, – видимость только одна,
Далеко от поверхности моря до дна.
Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей – не видна.

Глава I. Бурные события на древней донской земле

1. Встреча выдающегося государственного деятеля Смирнова с его политехническим учителем Пальшау

В конце шестидесятых годов в Новочеркасске отмечали очередной юбилей старейшего высшего учебного заведения юга России Новочеркасского политехнического института имени Серго Орджоникидзе. По институту разнесся слух – приезжает очень важная правительственная персона, окончившая НПИ. По этому поводу будут приняты беспрецедентные меры безопасности. Весь преподавательский состав и всех студентов прошерстит КГБ. При малейшем подозрении в связях с границей и даже не уличенного в них КГБ отправит за пределы Новочеркаска. А может быть и сошлют на Соловки, если подозреваемый предпримет усилия для встречи с правительственной персоной.

Ректор института хранил загадочное молчание. В здании энергетического факультета начались массовые проверки. Кого искали и что искали и кем были эти сыщики, никто не знал. Был перекрыт доступ на институтскую территорию все посторонних лиц. Началась проверка у студентов студенческих билетов, а у доцентов и профессоров – их удостоверений.

Наконец-то, к главному корпусу НПИ, оцепленному людьми в штатском, подкатила вереница черных лимузинов. Впереди милицейская машина с мигалкой. По институтским ступенькам сбежал ректор института Михаил Александрович Фролов:

– Уважаемый Леонид Васильевич! Ваш родной институт рад приветствовать Вас, своего выдающегося питомца, лауреата Ленинской премии, Героя...

– Михаил Александрович! К чему красноречие! Я так давно мечтал вновь окунуться в политехническую среду Новочеркаска, пройтись по аудиториям энергофака вместе с любимым преподавателем Михаилом Владимировичем Пальшау. Что-то я не вижу его среди встречающих? Где мой наставник моей молодости?

Леониду Васильевичу на ухо прошептал первый секретарь Ростовского обкома партии Иван Афанасьевич Бондаренко:

– Ему уже восемьдесят лет. Еле ходит. Болен. Но его уже посадили в «Волгу», встретитесь на Энергофаке.

Далее было торжественное собрание в главном корпусе НПИ. Участники собрания с любопытством рассматривали в президиуме высокого крупнолицего бывшего студента энергофака, а ныне самого неизвестного для них советского государственного деятеля.

На энергофаке встретили Леонида Васильевича Смирнова аплодисментами. Леонид Васильевич с каждым поздоровался. Крепко обнял Пальшау.

В расположенной напротив энергофака столовой были составлены столы в один большой, как называли его энергофаковцы – банкетный. Зазвенели бокалы.

Леонид Васильевич провозгласил тост в честь своего студенческого наставника Пальшау. А затем, попозже, отвел его в сторонку и спросил:

– Михаил Владимирович, как поживает наш общий любимец курган Хохлач? Помните, как мы с вами выходили за пределы территории института и пытались отыскать древние сокровища?

– Не забыл, Леша!

– Наконец-то, я услышал от вас то, что хотел услышать, собираясь в Новочеркасск. Даже мои бывшие сокурсники величают меня по имени и отчеству. Так что же, вы нашли остатки

золотых скифских сокровищ? Если нам с вами не удалось их отыскать вместе, то, может быть, вам повезло позже?

– Леша! Молодость есть молодость. Тогда мы с тобой мечтали об электрификации всей страны. И нам сокровища были нужны для ее претворения в жизнь. А вместо этого мне впяли срок, и я оказался в Сибири.

– В тридцать восьмом я недоумевал, зачем? Почему? А через пять лет попытался повлиять на вашу судьбу через наркома Устинова.

– Так это с твоей помощью я после освобождения вновь оказался в НПИ?

– Что было, то было. Донская земля претерпела множество необычных исторических превращений. О них можно сочинять исторические романы. О донских сокровищах, золотых и человеческих.

2. Смертельная тайна «петушиных» окрестностей Новочеркасского переулка

Двери в комнаты были открыты. Из дальней доносились женские голоса. Бабушки спорили с Мари. Из обрывков фраз было понятно, что речь идет о том самом неведомом петухе. О нем ходили по Новочеркаску какие-то сумасбродные нашептывания.

– Александра! Ты самая старшая из нас. Наверняка знаешь, где родители закопали петуха! Ладно уж, нам твоим таким же, как и ты, престарелым сестрам, ты не намерена раскрыть тайну. Но ведь Мари приехала из заграницы только ради него!

– Как вы мне надоели! Расскажи! Расскажи! Да еще и покажи! Ткни пальцем или даже носом в кучу земли! Тайна есть тайна. Мне за восемьдесят. Когда будет восемьдесят пять, тогда и раскрою тайну Хохлача.

Из той дальней комнаты выбежала младшая из трех престарелых сестер. Квартировавший в этом домике студент выскочил на крыльцо, как ошпаренный. Так значит, тайна – не бред гречанки и настолько существенна, что из-за нее разругались его хозяйки?

Младшая из хозяек схватила его за руку:

– Станя! Вызови «скорую помощь»! Александре плохо! У нее сердце колотится, как бешеное.

Примчалась «скорая помощь». Врачи констатировали смерть старшей хозяйки. Сердце не выдержало!

Прошло дней десять после ее похорон. Мари зашла в комнату студента:

– Станек, ты прекрасный экскурсовод! Мне нужна твоя помощь. Можешь показать мне окрестности переулка Галины Петровой?

– Почему вы все называете меня по-польски?

– Потому что в нашем роду кое кто взял в жены полячку. Когда в начале XX века донские казаки усмиряли восстание поляков и российский император в знак наказания приказал переместить Варшавский политехнический институт в Новочеркасск и переименовать его в Новочеркасский политехнический, один из моих предков привез в Новочеркасск жену-полячку. Станек, так ты мне покажешь окрестности переулка Галины Петровой?..

3. Ленинградский археолог Серафима Капошина, влюбленная в Донской край

...У каждого свой путь для общения с предками. Что осталось от них в нашем зачастую непредсказуемом мире? Конечно, очень мало – легенды, былины, летописи, в которых могут разобраться разве что только ученые мужи. Дошедшие до нас реликвии в виде многотысячелетних городищ, укрытых наслоениями, сотворенными следующими поколениями и матушкой природой. Древние соборы, в которых мы поклоняемся неутомимым основателям нашей человеческой цивилизации.

Величие наших предков особо ощущается в Петербурге.

В 1959 году группа студентов – дипломников Новочеркасского политехнического института обосновалась на Старом Невском проспекте. Порывшись в книгах они узнали, что начало Старому Невскому было положено монахами Александро-Невского монастыря. Название этого монастыря было данью почтения русскому национальному герою Великому святому князю Александру Невскому. Сам монастырь был построен при императоре Петре I. Впоследствии монастырь стал Лаврой. Для удобства сообщения со строящимся городом Санкт – Петербургом монахи прорубили в лесной чаще просеку. Она протянулась от монастыря до болота. А от Адмиралтейства до болота Петр I приказал вырубить для дороги в лесу деревья и выкорчевать пни.

То болото было особенным. Возле него начинался тракт в глубину России до Великого древнего Новгорода. Это болото ныне называется площадью Восстания.

Но во времена Петра I болото было ликвидировано. Начало тракта, просека и адмиралтейская дорога были соединены – появились площадь и церковь на ее краю. Церковь получила название Знаменской. Так возникла Перспективная дорога от Адмиралтейства через Знаменскую площадь к Невскому монастырю. Часть проспекта от Знаменской площади до Александро-Невской лавры петербуржцы стали называть Старой Невской Перспективной улицей.

В XIX веке во время строительства железной дороги, соединившей Санкт-Петербург с Москвой, на Знаменской площади был выстроен Московский вокзал.

Во время революционных событий 1917 года на Знаменской площади собирались митингующие толпы петроградцев. От того она и получила позже название «площадь Восстания».

Вот в каком историческом месте оказались дипломники из Новочеркасского политехнического института! В одни из первых дней знакомства с Ленинградом решили они пройти пешком от Александро-Невской Лавры по Старому Невскому до площади Восстания. Старо-Невский проспект со своими внушительными интереснейшими зданиями побудил их пойти дальше, не спеша, от Московского вокзала по теперь уже Невскому проспекту до Адмиралтейства. Впечатлений было море!

А затем повернули к Эрмитажу.

Эрмитаж поразил их своей великолепной непредсказуемостью настолько, что заставил забыть о прошлом заочном почти убогом представлении об окружавшем их мире.

В Эрмитаже они впервые увидели шедевры средневековой живописи. Особое впечатление на них произвели и портреты героев Отечественной войны 1812 года. Когда перед ними открыл свои сокровища зал с древними сосудами, мумия, гробницами, пиками и кинжалами, экскурсовод спросила:

– Откуда приехали вы, такие застенчивые молодые люди?

Вначале новочеркасцы замаялись, потом вымолвили:

– Из глубинки...

– Наверное, из Чукотки или Туруханского края?

– Нет, мы южане. Из столицы Донского казачества. Из Новочеркасска.

– О, как интересно, что я ошиблась! Неужели донские казаки такие несмелые? А я, возможно, соберусь следующим летом к вам, в земли Войска Донского. Может быть, заеду и в Новочеркасск. Если только выпадет счастье покопаться в новочеркасской земле.

Студенты пришли в себя от эрмитажного ошеломления. Спросили:

– От кого зависит ваше счастье?

– Вы и представить не можете, какая у нас, археологов, конкуренция! Вперед вырвались скифские курганы на Украине! Все только и говорят, пишут книги, печатают открытки об украинском Чертомлыке. Но ведь Великая Степь огромна! Одно из ее интереснейших мест – это Дон, Донская земля.

– И наш Новочеркасск тоже? Есть у нас памятник покорителю Сибири Ермаку, казачий войсковой Вознесенский патриарший собор, да и здания нашего политеха – историческая ценность.

– Дорогие мои студенты Новочеркасского политехнического института! Технари вы – технари! Историю своего города вам надо знать не только с технической поверхности! А если копнуть по глубже, она ведь необыкновенная!

– Вы так интересно рассказываете! Вероятно, вы прекрасный специалист – историк?

– Я археолог, Серафима Ивановна Капошина. Раскопки Донских скифских курганов – это мое призвание. На Великой степи от Великой Китайской стены до Карпат скифы оставили много курганов – могильников. Но мне запали в душу Донские...

Вот так ленинградский экскурсовод всемирно известного Эрмитажа заставила новочеркасских дипломников призадуматься над особенностями столицы Донского казачества. Но к этому загадочному намеку добавился еще один, тоже интереснейший...

Пришло время раскрыться перед читателями. В группу новочеркасских дипломников входил и автор этой книги. Поэтому он знает о том, что происходило в 1959 году с новочеркасскими студентами энергофака Новочеркасского политехнического института в Эрмитаже досконально.

Итак, в Ленинграде, в Эрмитаже энергофаковцам впервые пришлось услышать о интереснейшем понятии – Великая Степь. Тогда они не придали этому названию особого значения. Осознание его пришло значительно позже, когда познакомились с трудами великого советского историка Льва Гумилева.

Великая Степь – это тысячи километров от Алтая до Карпат. На ее просторах тысячелетиями формировались могучие древние государства.

4. Смертельная драма в таинственном Золотом переулке

Но о сокровищах Великой Степи и входящего в нее Донского края читатель узнает позже. А пока давайте вернемся в пятидесятые годы прошлого столетия. Пятикурсники НПИ приехали из Ленинграда с материалами для дипломного проекта.

При поступлении в институт Станиславу места в общежитии не нашлось. Мало было оно, только для особо бедных студентов. А у него папа был в Ростове-на-Дону офицером штаба Северо-Кавказского военного округа! Пришлось снимать жилье возле института у хозяев частного дома номер 18 в переулке Галины Петровой.

Утром небольшой город со ста тысячами населения был как улей. Изюм всех домов к институту спешили студенты. Их в городе было более двадцати тысяч. Интереснейшее было время! Но рассказ не о нем!

Как-то после возвращения Станислава из Ленинграда хозяева домика в переулке имени Галины Петровой – три женщины почтенного возраста – пригласили его в одну из своих комнат и попросили оказать небольшую услугу: не смог бы он съездить в Ростов и встретить там на железнодорожном вокзале их родственницу, приезжающую из Киева.

– Отчего бы не встретить, ведь можно еще раз повидаться с родителями, – согласился он.

Родственница оказалась очаровательной женщиной с чемоданом, обклеенным всевозможными зарубежными картинками. Она с акцентом говорила по-русски. Представилась:

– Мари!

– Как-то это не по-русски – Мари! А может быть – Мария или Маша. Это все же было бы по нашенькому!

– Я – чужестранка. Из Греции. Из Афин летела в Киев.

Всю дорогу в автобусе, глядя в окно, она расспрашивала:

– Что это? А это что?

Увидела на вспаханном поле кучу земли, встрепелась:

– Как называется это?

Стас задумался: что ответить? Куча и есть куча. Но надо ответить иностранке как-то по красивее. Ляпнул:

– Курган!

Она чуть ли не подскочила:

– Хохлач?

– Может быть, – ответил Стас, – но, что означает на вашем греческом языке «Хохлач»?

– Это не на греческом. Так мои предки приняли название кургана от народа.

– Какого народа?

Она промолчала.

Стас призадумался: какой-то народ назвал курган Хохлачем. Что это за название? В нашем русском народе куриц называют хохлатками. Хохлач, следовательно, – петух? Откуда ее предкам – грекам известно это наше народное выражение? Перепросил. Она разразилась тирадой:

– Мои дедушка и бабушка из России. Убежали из России вместе с детьми.

– Из какого города убежали?

– Из того, куда мы едем. От красных. О, какая я глупая, проговорилась! Ты есть НКВД?

Стас рассмеялся. Рассказал, что у нас теперь НКВД нет. Есть КГБ. Он всего лишь студент Новочеркасского политеха, учится на энергоснабженщика промышленных предприятий. Это его дядя работал в НКВД, во время войны получил орден Ленина за неизвестную ему операцию. Сколько его ни расспрашивал, он как в рот воды набрал. Недавно он умер.

Мари устала на Стаса:

– Так ты не НКВД и не знаешь, что такое Хохлач? Это наша семейная тайна! Я никому не должна в СССР рассказывать о ней.

... Через несколько дней Мари обратилась к квартиранту:

– Что интересного есть в Новочеркасске? Не смогли бы Вы сопроводить меня в кино? А то я уже неделю сижу дома, как прикованная. А вы мало обращаете на меня внимания. Все находитесь при институте.

– Так я же работаю над дипломным проектом. В июне у меня защита. И почему ты стала называть меня на «вы»?

– О, вы какой серьезный человек! А я одна боюсь выйти на улицу, ведь я чужестранка.

– Маша, тебя на улице зарежут, что ли?

– В Афинах мне говорили, что в СССР живут одни бандиты. Особенно в Москве. Там все – НКВД. Поэтому полетела в Киев. Там НКВД меньше.

В те дни в городе студенты толпами валили в кинотеатр на Московском проспекте. На афише было написано: «Индийский фильм «Бродяга»!

В зале царил непринужденная обстановка. Студенты вместе с индийскими киноартистами на киноэкране пели «шлягер»:

– Бродяга – Я! А-а-а-а! Бродяга – Я! А-а-а-а!

Парни и девушки тут же обнимались и целовались.

Выйдя из кинотеатра, Мари воскликнула:

– У нас в Афинах говорили – в СССР мрачная, идеологически закованная публика. А я увидела все по-другому. Фильм оказался обычным. У нас в Афинах таких много. Но ваша публика даст фору афинской. Теперь будет о чем рассказать в Греции.

Через некоторое время Стас заглянул на хозяйскую половину дома. Двери в комнаты были открыты. Из дальней доносились женские голоса. Бабушки спорили с Мари. Из обрывков фраз Стас понял, что речь идет о том самом неведомом ему петухе.

– Александра! Ты самая старшая из нас. Наверняка знаешь, где родители закопали петуха! Ладно уж, нам твоим таким же, как и ты, престарелым сестрам, ты не намерена раскрыть тайну. Но ведь Мари приехала из заграницы только ради нее!

– Как вы мне надоели!!!

... Примчалась «скорая помощь». Врачи констатировали смерть старшей хозяйки. Сердце не выдержало!

Прошло дней десять после ее похорон. Мари зашла в комнату Стаса:

– Станек, ты прекрасный экскурсовод! Мне нужна твоя помощь. Можешь показать мне окрестности переулка Галины Петровой?

– Почему вы все называете меня по-польски?

– Потому что в нашем роду кое кто взял в жены полячку... Станек, так ты мне покажешь окрестности переулка Галины Петровой.

– Вот это да! Мари, так вы, оказывается, не только донская казачка и гречанка, но еще и полячка! Сколько кровей в вас намешано! Так вы – сплошная тайна!

– Ну что, я пороюсь с тобой в окрестностях?

– Неужели надо брать с собой лопаты или бульдозер? И что в переулке копать? Он и так разрыт. Прокладывают трамвайные пути. Невдалеке улица Энгельса, небольшая площадь Чапаева, на ней скверик. Но я покажу вам все, что вас интересует, если расскажете о своих проблемах.

– О, какой ты умный! Перешел на «вы» потому, что тебе надо знать мою тайну!

– А почему бы и не знать! А если вы ищете какой либо запрятанный яд или секретное оружие?

Мари надулась и вышла.

Через пару дней она, как кошечка, попыталась обнять Стаса:

– Станечек! Дорогой! Мне скоро уезжать домой, в Грецию. Но я ничего не разыскала. И мне некому помочь.

– Конечно, обратиться в милицию или в КГБ вам нельзя.

– Какой ты умный. Что же мне делать, не знаю.

– Один выход! Раскрыться! Что же за тайна не дает вам покоя?

– Вот ты какой, настырный! Тайну чуть-чуть приоткрою. Наши предки, убегая, закопали где-то здесь Хохлач.

– Что за чушь. Вы в своем уме? Спрятать петуха! Он что – золотой? Но если настаиваете, могу вас сопроводить по окрестностям. Конечно, за коньячек и все прочее.

Погода стояла непредсказуемая – то ли ноябрьская, то ли мартовская. Одним словом, с неба лили холоднющие водяные струи. Почти ураганный ветер сбивал с ног...

Мари и Стас ковырялись в кучах земли и камней развороченного строителями трамвайных путей переулка, перебрались в скверик Чапаева, на улицу Энгельса. Промокли. Мари и Стас продрогли, их стало знобить.

Неужели так необходимо было Мари рыться в грязи переулка и в скверике, чтобы отыскать там какие-то петушиные кости? Можно было бы понять, если бы кости были бы все же золотыми...

У Стаса поднялась температура. Померил температуру – около 38-ми градусов. И Мари слегла в постель. Врач, прослушав своей трубкой ее легкие, установил крупозное воспаление легких, температура под сорок. Отправил ее в больницу. Там она в бреду все время повторяла:

– Александра, ты не уйдешь далеко от меня. Я догоню тебя! Я заставлю тебя раскрыть секрет! Мне нужен Хохлач! Без него меня не пустят в Афины!

В больнице через неделю Мари, не приходя в сознание, отправилась по пути престарелой Александры...

За какие грехи свалились все эти беды на Стаса? Две смерти за непродолжительное время! И все они из-за где-то недалеко упрятанных петушиных останков?

Студент – дипломник Станя решил все же выяснить, что же это такое «Хохлач», из за которого погибли две женщины и он чуть не отправился на тот свет?

Обратился в институтскую библиотеку. Но технари есть технари! Библиотекарши пожали плечами. Преподаватели энергофака тоже ничего не знали о кургане-петухе. Посоветовали ему встретиться с самым авторитетным из преподавателей в исторических нюансах бывшим дворянином Пальшау.

Михаил Владимирович Пальшау читал лекции студентам энергофака. Интереснейший был старик!

На кафедре электрооборудования промышленных предприятий Стас подошел к нему. Тот вывел дипломника в коридор, посмотрел в его юные глаза и произнес:

– Молодой человек! Вы заинтересовались тем, о чем мне говорить не доставит удовольствия. Особенно после контакта в прошлом с НКВД. Где вы живете?

– В переулке Галины Петровой.

Приблизившись к Стасу вплотную, прошептал ему на ухо:

– Так это же самое таинственное и проклятое место в Новочеркасске! Курган Хохлач располагался там же! О, сколько золота выгребли из него! Мешками! Так гласит легенда! О Чертомлыке знаете?

– Что-то рассказывала в школе учительница истории. На Украине в XIX веке археологи раскопали курган Чертомлык высотой в сорок метров. Нашли прекрасное скифское золото.

– Так Чертомлык и в подметки не годился нашему новочеркасско-сарматскому Хохлачу. Говорят, Хохлачом интересуется нынешнее КГБ. Кто в переулке начнет разрывать землю, того расстреливают!

Так вот, оказывается, в какой разворот событий встрял дипломник, вместе с гречанкой рывшийся в переулочной грязи! С одной стороны хорошо, что из туч низвергались на землю потоки воды и мокрого снега. Иначе бы они оказались в КГБ и их допрашивали оперативные сотрудники этого сверхсурового ведомства!

С другой стороны – две смерти, и виновата тому улица имени Героя Советского Союза Галины Петровой, бывшей новочеркасской студентки, погибшей в 1943 году во время высадки десанта в Крыму возле Керчи.

В Новочеркасском краеведческом музее к Стасу отнесли, как к свалившемуся с Луны.

– Зачем вам нужен Хохлач?

– Наш преподаватель рассказал мне, что из Хохлача вывозили машинами золото.

– Не машинами, а подводами. Машин тогда не было. Ведь случилось это в 1864 году!

– А одну подводу завернули налево? – вырвалось у Стаса.

– Зачем же так мало! Может быть, и сотню телег завернули налево! Да только от этих раскопок у нас в музее осталась лишь одна легенда. Найденные золотые древности показали императору Александру II. А тот велел хранить их в Эрмитаже, в золотой кладовой под строжайшем секретом! Мы сами их не видели, знаем только одно – в Эрмитаже они находятся и по сей день под замком. Поезжайте в Ленинград, может быть, удастся проникнуть в золотую кладовую?

Так вот почему ленинградский экскурсовод Серафима Ивановна Копошина навела тень на плетень! Вместо золота Хохлача рассказала о ни кому не нужной Великой Степи! Только намекнула: «Вы – технари, видите только то, что находится на поверхности, а надо посмотреть в земную глубину!». Не потому ли она всячески рвется в Донской край!

Итак, круг замкнулся!

После получения диплома Стас вновь рванул в Ленинград. Но в Эрмитаже золота Хохлача так и не увидел. Оказывается, оно, действительно, хранилось в золотой кладовой за семью замками. Вход в нее по специальным пропускам с разрешения КГБ.

Книг о Хохлаче, фотографий с изображениями найденных в нем золотых сокровищ в Ленинграде не было. Не было ни в Ростове, ни в Новочеркасске, ни вообще в СССР – ничего! Какой-то заколдованный круг!

Проходили годы. Стас стал, как было записано в его наградной характеристике, высококвалифицированным ракетостроителем. Принимал участие в летно-конструкторских испытаниях совершенно секретных «частично орбитального бомбардировщика» и «истребителей спутников – ИС». Но загадка «Хохлача» не давала ему покоя.

Но все же ему удалось выяснить кое какие подробности о кургане Хохлач.

5. Золотой петух по имени «Курган Хохлач»

Потрясающей была в России вторая половина XIX века. Она ознаменовалась указом императора Александра II об отмене в России крепостного права и в связи с этим началом технической революции в промышленности и на транспорте, а также бурным ростом городов.

В это время, например, Ростова-на-Дону вырос почти в десять раз. Особенно заметными в Ростове были сдвиги в торгово-купеческой сфере. В Ростовском речном торговом порту отправлялась за рубеж значительная часть российской сельскохозяйственной продукции. В середине XIX века в Ростове были основаны табачные фабрики Я. С. Кушнарева и В. И. Асмолова. В 60-е годы они имели совокупный капитал, едва достигавший 6 тысяч рублей. А уже к 1895 году табачные фабрики Ростова вместе изготовили продукции на 5,8 миллионов рублей.

Вывозили за границу через Ростов и уголь набиравшего силу Донбасса.

Росли и Санкт-Петербург, и Москва. Население и других российских городов желало благоустроенности.

Если мы вернемся в начало XIX века, то обнаружим, что даже в Зимнем Дворце водопровода не было. Тогда для Зимнего мужики черпали из Невы воду, заполняли ею водовозки и отвозили драгоценные водные бочки в императорский дворец.

Для исправления естественных надобностей у императоров и членов их семейств были приготовлены в их спальнях так называемые «вазы», то есть ночные горшки. Их содержимое выплескивалось по утрам фрейлинами в ту же Неву.

Забыли российские императоры, что по указанию царя Ивана Грозного в Московский Кремль был проведен из дубовых труб водопровод из Мытищ. Царя Ивана возмутил рассказ его летописца о том, что впервые на Руси был построен водопровод в Великом Новгороде, на демократическом купеческом Ярославом двореце еще в XI веке.

Но у всех остальных новгородцев интимное дело исполнялось также, как и через несколько столетий в Зимнем Дворце. Или еще хуже, ведь можно было использовать для исправления естественных надобностей любой куст по примеру французов или англичан. С зарубежными купцами новгородские купцы контактировали очень часто на Ярославом двореце. Но и новгородцы не сидели у себя дома, плавали на своих судах со своим товаром в Европу и перенимали европейский опыт использования кустов во Франции или в Англии.

Даже в XVI веке проходить мимо дворцов французских королей было опасно потому, что можно было быть облитым нечистотами, выплеснутыми из окна королевской спальни. Этой наивной королевской привычке положил конец известный врачеватель и предсказатель будущего Нострадамус. Когда в то время во Франции начала свирепствовать чума и трупы французов валялись на улицах французских городов, Нострадамус первым понял, что причина возникновения чумы – антисанитария! По его требованию король издал указ о запрете использования публичных мест для удовлетворения естественных надобностей. После этого чума пошла на спад.

В середине XIX века техническая революция выразилась в России не только в глобальном построении железных дорог, но и тесно связанного с ними построения водопроводов и канализации.

Хозяева угольных шахт в Восточно-Донбасском поселке Грушевском (ныне город Шахты) свой уголь отправляли за границу по реке Дон. До донской пристани Аксай, располагавшейся в городе Нахичевань-на-Дону, уголь перевозился на телегах волами. Техническая революция покончила с ними. В 1864 году между Грушевскими угольными рудниками и Новочеркасском была построена первая на юге России железная дорога. Паровозам была нужна в огромном количестве вода. Паровоз – это не самовар, хотя и у одного и другого была труба.

Поэтому руководство Грушевско-Новочеркасской «железки» и решило построить в Новочеркасске огромный резервуар для хранения воды. К нему стали подводить водопровод.

Железнодорожные рабочие с рвением начали выполнять приказ начальства. Роя на окраине города траншею для водопроводной трубы, они уткнулись в препятствие – небольшой курганчик.

Спросили у «аборигенов»:

– Как вы называете свою «великую гору»?

– Наш холмик нахохлился, как петух!

– Хохлач – значит!

Копатели, не мудрствуя лукаво, энергично начали орудовать лопатами (бульдозеров тогда не было). И ахнули! На крики сбежались местные жители.

Кто-то из копателей побежал докладывать о находке начальству, кто-то стал рассовывать золотые украшения по карманам.

Был вызван профессор геологии Харьковского университета Н. Борисяк (других университетов поблизости не было и археологов тоже). Тот засвидетельствовал огромную ценность сокровищ. Ее подтвердил будущий член-корреспондент Российской Императорской академии наук В.Г. Тизенгаузен. Были дотошно описаны все находки клада, за исключением тех, что «увели» прокладчики водопровода или не были раскопаны, так как по уверению некоторых петербургских археологов клад из Хохлача был изъят, но тщательные раскопки и Н. Борисяком, и В.Г. Тизенгаузеном в том кургане не проводились. И все потому, что промышленно-железнодорожная революция гнала россиян вперед! Не исключено, что в районе будущего переулка Галины Петровой древнего золота, возможно, осталось еще и предостаточно.

Итак, по приказу императора Александра II сокровища Хохлача под названием «Новочеркасский клад» были упрятаны в Золотой кладовой Эрмитажа.

А те, что были украден и позже перепрятаны несколько раз в той же новочеркасской земле, до сих пор ждут своих хозяев.

Вот на каком древнем золоте была основана новочеркасская индустриализация и выросли ее Золотые Герои! А началось все с водопровода и канализации.

6. Вино на радость нам дано

На Донской земле есть город Цимлянск. Ранее это была станица Цимлянская. Чем знамениты этот город и его предшественница станица? В России они известны, прежде всего, своим виноградарством, виноделием и вином. Спросите у москвича, какое российское шампанское предпочитает он? Ответ будет однозначным – «Цимлянское игристое вино»!

Чем знаменит Новочеркасск? Электровозами? Конечно, ими. Но есть в Новочеркасске Всероссийский научно-исследовательский институт виноградарства и виноделия имени Я.И. Потапенко, прославившийся новыми сортами винограда и новыми винами.

Когда на Дону появились виноградники и вино? Есть мнение, что их завезли древние греки! На полпути между Ростовом и Таганрогом находится хутор Недвиговка. Здесь расположен Государственный археологический музей – заповедник Танаис. Древний город Танаис был самой северной точкой древнегреческого государства.

В музее «Танаис» собрана уникальная для России и Европы коллекция амфор времен III столетия до нашей эры – V столетия нашей эры. Как оказалось, география их изготовления была обширна: Родос, Кос, Синопу, Нид, Фасос, Херсонес, Пантикапей, то есть Древняя Греция, Римская империя, Византийско-Крымский Херсонес...

Как выяснили археологи, назначение амфор было разнообразным. Одни амфоры использовались для хранения оливкового масла, другие – для зерна, третьи – для засолки мелкой рыбы типа тараньки... В части амфор археологи обнаружили следы древнего вина. Так что жители Танаиса были не трезвенниками, как и теперешние жители Донской земли.

Кроме того, Танаис был центром торговли между Западной Европой, Восточной Азией и Северными народами. И те, и другие, и третьи находили отдушину в вине. Там, где меняли северную пушнину на амфоры с винными напитками, там и приобретали виноградную лозу для ее воспроизведения. Другое дело, приживалась ли она на Севере? Конечно, не везде. Однако, все же приютилась на древних землях станицы Цимлянской.

На нижнем Дону народ постоянно обогащался генами других народов. Кочевали здесь и скифы, и сарматы, и хазары, сменяя друг друга. После себя они не могли не оставить след.

Самые удивительные в России исторические открытия древностей были сделаны в Новочеркасске.

7. Сын Новочеркаска генерал Лебедь и восстание в столице Донского казачества

В начале лета 1962 года из Ленинграда выехала в Донской край археологическая экспедиция под руководством Серафимы Ивановны Капошиной. Ей необходимо было раскопать на этот раз древние поселения в районе Ростова-на-Дону. Известный археолог и ее коллеги даже не могли себе представить, как донские события перевернут многое в их жизни.

В Новочеркасске столкнулись самым невероятным образом современность и древняя история.

Новочеркасск подарил Советскому Союзу и России известнейшую личность. В столице Донского казачества родился известнейший советский генерал Александр Иванович Лебедь. Свой авторитет у народа он заработал во время войны в Афганистане и в других военно-политических событиях.

После распада СССР в 1996 году были проведены вторые выборы президента России. Главным их событием стал поистине блестящий успех Александра Ивановича. С ходу он стал бронзовым призером первого тура выборов. Но противники серебряного призера коммуниста Зюганова золотоносцы постарались внушить населению, что вторым был Лебедь. За него отдали свои голоса 14,5 процентов избирателей, то есть почти 11 миллионов россиян.

Генералу тогда прочили великое будущее, называли его наиболее вероятным преемником Ельцина или личностью, который смог бы свергнуть Ельцина и стать вторым российским Пиночетом.

21 февраля 2012 года во время встречи с представителями российских незарегистрированных партий Дмитрий Медведев обмолвился: «вряд ли у кого есть сомнения, кто победил на выборах президента 1996 года. Это был не Борис Николаевич Ельцин».

Но олигархи сделали ставку на Ельцина. И он назначил своего противника в выборной гонке и вероятного будущего преемника на президентском кресле секретарем Совета безопасности России, а в 1998 году упрятал его подальше от Кремля, сделав его губернатором Красноярского края. 28 апреля 2002 года губернатор Красноярского края генерал Лебедь погиб в авиационной катастрофе.

Вот такую интереснейшую личность подарил Новочеркасск России.

Но вернемся в 1962 год. Детство и юность Александра Ивановича прошли в Новочеркасске. В начале июня 1962 года двенадцатилетний Саша Лебедь сидел на дереве перед зданием администрации Новочеркаска вместе с другими мальчишками и наблюдал за толпой восставших новочеркасцев и действиями администрации города, области, ЦК КПСС и вооруженных сил страны.

Над головами восставших раздались для острастки митингующих автоматные очереди. Пули сразу же сразили мальчишек, вскарабкивавшихся на деревья.

Сашу пули не задели. Но он от испуга свалился с дерева. Под деревьями лежали его окровавленные товарищи. Саша поднял своего раненого друга. Вместе они скрылись в переулке.

В 1962 году повезло будущему командующему 106-й воздушно-десантной дивизии, заместителю командующего военно-десантными войсками, командующему 14-й армии, командующему в сражениях во время Афганской войны (1979–1989 годы), Приднестровской войны, Гражданской войны в Таджикистане, Первой Чеченской войны.

О своих впечатлениях о Новочеркасском восстании генерал Лебедь поведал избирателям во время президентской избирательной компании 1996 года.

Об этом восстании в то время мало кто знал. Только в конце перестройки посыпались о нем публикации в прессе. Автор этой книги во время восстания работал на Урале. В начале

лета из Ростова к нему приехала мама и кое что рассказала о новочеркасских событиях. В начале осени он уже был в Ростове. Наведался в Новочеркасск. Там под большим секретом ему выложили правду друзья по студенческим годам в Новочеркасском политехническом институте. Но основное, конечно, стало известно поле распада СССР.

К началу 1960-х годов в СССР сложилась непростая экономическая ситуация. В результате стратегических просчетов руководства страны начались перебои со снабжением. Весной и в начале лета 1962 года недостаток хлеба был настолько ощутим, что Н. С. Хрущев впервые решился на закупку зерна за границей.

30 мая 1962 года было решено повысить розничные цены на мясо и мясные продукты в среднем на 30 % и на масло – на 25 %. Одновременно с этим дирекция Новочеркасского электровозостроительного завода (в его сборочном цехе в студенческие годы автор этой книги проходил практику и поэтому знал о заводе не понаслышке) почти на треть увеличила норму выработки для рабочих. В результате заработная плата и, соответственно, покупательная способность рабочих и служащих завода существенно снизились.

На заводе в кузово-сборочном цехе ещё весной 1962 года рабочие три дня не приступали к работе, требуя улучшить условия труда, а в обмоточно-изоляционном цехе из-за низкого уровня техники безопасности отравились 200 человек.

1 июня в 10 часов утра 200 рабочих сталелитейного цеха прекратили работу и потребовали повышения расценок за их труд. В 11 часов они направились к заводууправлению. По пути к ним присоединились рабочие других цехов. В результате около заводууправления собралось до 1000 человек.

Люди требовали от начальства ответа на вопрос:

– На что нам жить дальше?

Вскоре появился директор завода Б. Н. Курочкин. Заметив невдалеке торговку пирожками, он оборвал одного из выступающих и заявил:

– Вместо пирожков с мясом, будете жрать с ливером!

Эта фраза вызвала негодование у рабочих. Директора начали освистывать и выкрикивать в его адрес оскорбления. Курочкин скрылся, однако именно его фраза послужила поводом для последующих событий. Вскоре забастовка охватила весь завод.

Возле заводууправления людей становилось всё больше. Услышав тревожный заводской гудок, начали приходить люди из близлежащих районов и других предприятий. К полудню количество бастующих собралось более 5000 человек. Они перекрыли железнодорожную магистраль, связывающую центр России с Югом. Остановили пассажирский поезд «Ростов-на-Дону – Саратов». На остановленном локомотиве кто-то написал: «Хрущева на мясо!».

Ближе к вечеру коммунистам и некоторым рабочим удалось уговорить пропустить поезд, но машинист побоялся ехать через толпу и состав вернулся на предыдущую станцию. Там же и остановились другие поезда.

Н. С. Хрущеву незамедлительно было доложено о забастовке в Новочеркасске. Он тут же связался с первым секретарем Ростовского обкома А. В. Басовым, министром обороны Р.Я. Малиновским, руководителями МВД и КГБ, приказав всеми возможными мерами подавить сопротивление. В Новочеркасск была направлена группа членов Президиума ЦК КПСС в составе Ф. Р. Козлова, А. И. Микояна, А. П. Кириленко, Л. Ф. Ильичева и Д. С. Полянского. Прибыл также секретарь ЦК КПСС, бывший председатель КГБ СССР А. И. Шелепин. Маршал Р. Я. Малиновский, в свою очередь, отдал приказ при необходимости задействовать 18-ю танковую дивизию Северо-Кавказского военного округа.

Можно было подумать, что будто началось не восстание на Новочеркасском электровозостроительном заводе, а на страну напал враг и его надо было уничтожить!

1 июня весь день, вечер и ночь на заводе шел митинг восставших.

К 16:00 следующего дня на заводе собралось уже все областное начальство. Прибыл первый секретарь Ростовского обкома А. В. Басов, председатель облисполкома, председатель совнархоза, другие ответственные работники области, города и всё руководство завода. Позднее вечером рабочие сорвали со здания заводоуправления портрет Хрущева и подожгли его. После чего часть наиболее радикально настроенных рабочих начала штурмовать заводоуправление, попутно устраивая там погром и избивая пытавшихся мешать им представителей администрации завода.

В 16:30 на балкон были вынесены громкоговорители. К народу вышли первый секретарь ростовского обкома А.В. Басов, председатель ростовского облисполкома И. И. Заметин, первый секретарь Новочеркасского горкома КПСС Т. Логинов и директор завода Б. Н. Курочкин. Перед народом выступил А.В. Басов. Он начал просто пересказывать официальное Обращение ЦК КПСС вместо того, чтобы пообщаться с народом. Его начали освистывать и перебивать оскорбительными криками. А пытавшегося взять после него слово директора Курочкина забросали камнями, металлическими деталями и бутылкам. После чего продолжили штурмовать заводоуправление. Ни милиция, ни КГБ не вмешивались в события, ограничиваясь наблюдением и скрытой съемкой активных участников. Басов закрылся в одном из кабинетов и стал созваниваться с военными, требуя ввода частей.

В течение вечера и ночи митинг продолжался. На разведку несколько раз посылались отдельные небольшие группы военнослужащих, но всех их встречали агрессивно и изгоняли с завода. Военные в столкновения не вступали.

Когда к вечеру стало ясно, что власти не собираются применять никаких мер, было принято решение на следующий день пойти к горкому КПСС в центр города.

В ночь с первого на второе июня в город вошли танки и солдаты. Танки вошли в заводской двор и стали вытеснять еще остающихся там рабочих, не применяя оружие. Среди собравшихся распространился слух, что несколько человек были задавлены гусеницами, и толпа стала бить тяжелыми предметами по броне, пытаясь вывести из строя танки. В результате ранения получили несколько солдат. Но двор был очищен от митингующих.

Ввод в город танков был воспринят народом крайне негативно, и ночью стали распространяться листовки, резко осуждающие нынешние власти и Хрущева лично.

Утром Хрущеву была доложено о том, что примерно к трем часам ночи после введения воинских частей толпу, насчитывающую к тому времени около четырех тысяч человек, удалось вытеснить с территории завода и постепенно она рассеялась. Завод был взят под военную охрану, в городе установлен комендантский час, 22 зачинщика были задержаны.

За ночь все важные объекты города (почта, телеграф, радиоузел, Горисполком и Горком партии, отдел милиции, КГБ и Государственный банк) были взяты под охрану, а из Госбанка были вывезены все деньги и ценности.

Вам не напоминает все это Октябрьскую революцию 1917 года?

Далее события развивались почти по сценарию 9 (22) января 1905 года в Санкт-Петербурге, названного также «Кровавым воскресеньем». Тогда было расстреляно мирное шествие петербургских рабочих к Зимнему дворцу, целью которого было вручить царю Николаю II коллективную Петицию о рабочих нуждах.

Появление на заводах солдат в больших количествах крайне возмутило многих рабочих города. Они отказались работать «под дулом автоматов». Утром многочисленные толпы рабочих собирались во дворах почти всех заводов Новочеркаска, заставляя иногда силой прекращать работу тех остальных не столько категорично настроенных своих товарищей. Опять было заблокировано движение поездов и остановлен состав. Через некоторое время с завода им. Буденного к центру города двинулась толпа, вначале состоящая из рабочих, но по ходу следования к ней стали присоединяться случайные люди, в том числе и женщины с детьми.

Из особой папки ЦК КПСС:

«Совершенно секретно. «... Движение по железной дороге 2 июня было прекращено. Под влиянием подстрекателей и провокаторов толпа, достав красные знамена и портрет Ленина, в сопровождении детей и женщин направилась в город» (публикация В. Андриянова «Пирожки с пулями» в газете «Трибуна» 20 июля 2007 года, Москва).

Военные попытались не допустить толпу к центру города, перегородив мост через реку Тузлов несколькими танками, БТРами и машинами, но большая часть людей просто перешла реку вброд, а самые решительные перелезали через технику, пользуясь тем, что военные не препятствовали им в этом.

Танками на мосту через Тузлов командовал участник сражения в 1943 году на Курской дуге под Прохоровкой и парада Победы Герой Советского Союза генерал Матвей Шапошников.

Получив приказ не пропускать толпу в центр города и применить, в случае необходимости, танки, он ответил: «Я не вижу перед собой противника, которого следовало бы атаковать танками». Отказался воевать с безоружными.

Благодаря генералу Шапошникову на мосту не пролилась кровь.

В случае использования бронетехники, по словам Шапошникова, количество жертв исчислялось бы тысячами.

В 1966 году его отправили на пенсию, а еще через год исключили из партии за «антисоветские разговоры».

О поступке офицера рассказал в 1989 году журналист «Литературной газеты» Юрий Щекочихин. К счастью, Матвей Шапошников дожил до времени, когда его оправдали и ему воздали должное.

Толпа вышла на центральную улицу Московскую, в конце которой располагались здания горкома партии и горисполкома. На этой же улице находились помещения отдела милиции, аппарата уполномоченного УКГБ, Госбанка. Приближение демонстрации сильно напугало находившихся в горкоме КПСС членов Президиума ЦК КПСС Ф. Р. Козлова и А. И. Микояна, а также Кириленко, Полянского, Шелепина, Степакова, Снастина и Ивашутина. Узнав, что танки не остановили колонну на мосту, московские «водители» поспешили удалиться. Все они перебрались в Первый военный городок, где располагался временный штаб правительства. Произошло это в тот момент, когда демонстранты были в ста метрах от горкома (В. А. Козлов, «Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг.», Москва, издательство «ОЛМА-ПРЕСС, 2006 год).

Председатель горисполкома Замула и другие руководители предприняли попытку с балкона через микрофон обратиться к подошедшим с призывом прекратить дальнейшее движение и возвратиться на свои рабочие места. Но на них полетели палки, камни. Одновременно из толпы раздавались угрозы. Часть протестующих ворвалась внутрь здания и разбила стекла окон, двери, повредила мебель, телефонную проводку, сбросила на пол люстры, портреты руководителей государства.

К зданию горисполкома прибыл начальник Новочеркасского гарнизона генерал-майор Олешко с 50 вооруженными автоматами военнослужащими внутренних войск. Они стали оттеснять людей от здания, прошли вдоль его фасада и выстроились лицом к ним в две шеренги. Олешко с балкона обратился к собравшимся с призывом прекратить погромы и разойтись. Но толпа не реагировала, раздавались различные выкрики, угрозы расправы.

После этого военнослужащими из автоматов был произведен предупредительный залп вверх, отчего шумевшие и напивавшие на солдат люди отхлынули назад. Из толпы раздались выкрики: «Не бойтесь, стреляют холостыми», после чего люди вновь ринулись к зданию горкома и к выставленным вдоль него солдатам. Последовал повторный залп вверх и затем был открыт огонь по толпе. Человек 10–15 остались лежать на площади (из информации Генерального прокурора СССР Н. Трубина о событиях в Новочеркасске). На современном сайте города

Новочеркаска можно прочитать, что стреляли пулеметчики или снайперы с крыши здания горкома.

После выстрелов и первых убитых толпа в панике побежала прочь.

В газете «Ведомости» 8 июня 2007 года был опубликован материал Павла Аптекаря «Что случилось в Новочеркасске? Генерал, который не стрелял». В нем было рассказано о том, что по воспоминаниям очевидцев первые пулеметные очереди поверх толпы попали в деревья, а на них сидели дети – они забирались туда, чтобы лучше видеть. Участник событий Николай Степанов вспоминал:

«Две девочки, и еще кто-то лежал, кто – не знаю. Я говорю – глянь, что это такое? Детей постреляли!»

Началась паника. После выстрелов посыпались, как груши, любопытные мальчишки, забравшиеся на деревья в скверике. Сидя на дереве среди ветвей, наблюдал за происходившим и двенадцатилетний Саша Лебедь (будущий генерал и кандидат в президенты России Александр Лебедь). Жил он на соседней улице Свердлова, которая теперь названа его именем, всего в квартале от горкома. Естественно, не мог не прибежать и не поглядеть. Он сам об этом потом рассказывал, когда приезжал в город во время персональной президентской кампании. О том, как после первых выстрелов кубарем скатился вниз, как каким-то чудом перемахнул через высоченный забор. Видел, вроде бы, и убитых малышей. Очевидцы вспоминают про рассыпанную обувь и белые детские панамки. Они валялись по всей кроваво-грязной площади. Однако в опубликованных списках жертв мальчишки не значились.

Одновременно у горотделов милиции и КГБ также собралась агрессивно настроенная толпа, которая оттеснила охранявших здания военнослужащих 505-го полка внутренних войск и предприняла попытку ворваться в отдел милиции через выбитые окна и двери с целью освободить задержанных. Одному из нападавших удалось вырвать из рук рядового Репкина автомат, и из захваченного оружия нападавший пытался открыть огонь по военнослужащим. Опердив его, военнослужащий Азизов произвел несколько выстрелов и убил нападавшего. При этом были убиты еще четыре лица из числа нападавших, другие нападавшие получили ранения. Более 30 нападавших были задержаны.

Несмотря на расстрел, выступления в городе продолжались. Отдельные митингующие бросали камни в проезжавших солдат, пытались заблокировать движения по улицам. Не было внятной информации о случившемся, по городу ползли самые жуткие слухи о людях, расстрелянных из пулеметов чуть ли не сотнями, о танках, давящих толпу. Некоторые призывали убивать уже не только руководителей, но и всех коммунистов и «всех очкастых».

В городе объявили комендантский час и стали транслировать записанное на магнитофон обращение Микояна. Оно не успокоило жителей, а вызвало только раздражение. 3 июня многие продолжали бастовать, а перед зданием горкома опять начали собираться люди, численностью до 500 человек. Они требовали отпустить задержанных в результате уже начавшихся арестов. Около 12:00 власти начали активную агитацию с помощью лояльных рабочих, дружинников и партактива, как в толпе, так и на заводах. После чего по радио выступил Ф. Р. Козлов. Он возложил всю вину за произошедшее на «хулиганствующих элементов», «застрельщиков погромов», и представил ситуацию так, что стрельба у горкома началась из-за просьбы 9 представителей митингующих о наведении порядка в городе. Также он пообещал некоторые уступки в торговле и нормировании труда. В результате принятых мер, а также начавшихся арестов (в ночь с 3 на 4 июня было задержано 240 человек), ситуация постепенно стала нормализовываться (В. А. Козлов, «Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг.», Москва, издательство «ОЛМА-ПРЕСС, 2006 год).

В больницы города с огнестрельными ранениями обратилось 45 человек, хотя пострадавших было гораздо больше (по официальным данным – 87 человек): возможно, люди не хотели говорить о том, где были получены ранения, боясь преследования.

Погибло 24 человека, еще два человека убиты вечером 2 июня при невыясненных обстоятельствах (по официальным данным). Все тела погибших поздно ночью вывезли из города и похоронили в чужих могилах, на разных кладбищах Ростовской области. Спустя 30 лет, в 1992 году, когда документы были рассекречены и сняты расписки, которые давали свидетели событий, останки 20 погибших нашли на кладбище Новошахтинска, все останки были идентифицированы и захоронены в Новочеркасске (газета «Вести». «45 лет Новочеркасской трагедии», 2007 год).

Позднее в Новочеркасске прошел суд над «зачинщиками беспорядков». Они были выявлены благодаря агентам, которые специально делали фотографии возмущившейся толпы. Тех, кто на этих снимках шел в первых рядах и вел себя наиболее активно, вызывали в суд. Им были предъявлены обвинения в бандитизме, массовых беспорядках и попытке свержения Советской власти, почти все участники признавали себя виновными.

Семеро из «зачинщиков» (Александр Зайцев, Андрей Коркач, Михаил Кузнецов, Борис Мокроусов, Сергей Сотников, Владимир Черепанов, Владимир Шуваев) были приговорены к смертной казни и расстреляны, остальные 105 получили сроки заключения от 10 до 15 лет с отбыванием в колонии строгого режима.

Информация о новочеркасских событиях в СССР была засекречена. Первые публикации появились в открытой печати только в конце 1980-х в годы перестройки.

Реабилитация всех осужденных произошла в 1996 году, после указа Президента РФ Б.Н. Ельцина от 08.06.1996 г. № 858 «О дополнительных мерах по реабилитации лиц, репрессированных в связи с участием в событиях в г. Новочеркасске в июне 1962 г.»

Главная военная прокуратура Российской Федерации в 1992 году возбудила по факту новочеркасского расстрела уголовное дело против Хрущева, Козлова, Микояна и еще восьми человек. Оно было прекращено в связи со смертью фигурантов (Артем Кречетников. «Бойня в Новочеркасске: «Но был один, который не стрелял», «Русская служба Би-би-си», 31 мая 2012 года).

8. Курган, помешавший виноградарям построить винзавод

Но параллельно с Новочеркасским восстанием происходила в столице Донского казачества не кровавая, но все же драматическая история, имевшая далеко идущие последствия.

На окраине города, на Баклановском проспекте до сих пор находится тогда Всесоюзный, ныне Всероссийский научно-исследовательский институт виноградарства и виноделия имени Я.И. Потапенко.

Яков Иванович Потапенко – выдающийся ученый в области агробиологии, селекции и агротехники винограда, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, заслуженный деятель науки, дважды лауреат Государственной премии СССР – был озабочен в 1961 году тем, что на территории его института виноградарства и виноделия не было порядочного институтского винзавода. Виноградные плантации были, виноград занимал первые места на всесоюзных смотрах. А винзавода, отвечающего размаху института не было! Надо было его построить! Но планы строительства упирались в небольшой курганчик, возвышавшийся на территории института. Этот «пупырь» при строительстве винзавода надо было скрыть!

Яков Иванович долго всматривался в этот «пупырь». Его озадачивало то, что сто лет назад в Новочеркасске при строительстве водопровода тоже решили срезать крохотный «пупырь», мешавший водопроводчикам, и что из этого вышло! Потрясение на всю Российскую империю! «Пупырь» оказался древнейшим золотым курганом Хохлач! И вот теперь на пути строительства винзавода всесоюзного значения встал «холмик» под названием «Садовый». Не будет ли потрясен ныне Советский Союз, ведь Донская земля – древняя!..

...Лето 1962 года. В центре Новочеркаска идет подавление восстания. А на территории института виноградарства раздаются сумасшедшие крики:

– Золото! Сколько много золота!

На крики сбежались милиционеры и кагэбисты...

Так что же произошло в Новочеркасском Всесоюзном научно-исследовательском институте виноградарства и виноделия летом 1962 года?

9. Второй золотой новочеркасский курган – дело рук археолога Капошиной?

Яков Иванович Потапенко, как человек науки, решил прежде чем скрыть институтский курганчик, посоветоваться с археологами Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

Ленинградцы озадачились. В кабинете директора Ленинградского отделения Института археологии, доктора исторических наук, академика АН СССР, Героя Социалистического Труда Б.Б. Пиотровского собралось совещание. Выступила активистка института, кандидат исторических наук С.И. Капошина.

О ней в институте бытовало мнение, что она баба, поставившая институт чуть ли не на колени. Член КПСС, она в археологических экспедициях вечером у костра возле раскопанных ям читала студентам собственные лирические стихи, а днем усмиряла непокорных шоферюг матюками. Эта пожилая болезненно полная женщина, будто Хрущев в юбке, могла мотаться на грузовиках по степям в зной, и грозу. Так она ведь сама была грозой! В институте она была энтузиастом всяческих чисток и проработок!

В начале 1962 года на совещании у Б.Б. Пиотровского Серафима Ивановна высказала мнение, что на лето 1962 года экспедиция в Ростов-на-Дону на Кобяково городище уже спланирована. Кроме того, в Новочеркасске в 1864 году уже был раскопан курган Хохлач, найденные в нем сокровища хранятся в золотой кладовой Эрмитажа. Мало вероятно, чтобы Садовый курганчик на территории Всесоюзного института виноградарства смог принести какое либо историческое открытие, ибо метеориты дважды не попадают в одну воронку.

На совещании ленинградских археологов в начале 1962 года Борис Борисович Пиотровский высказал мнение, противоположное мнению С.И. Капошиной:

– Серафима Ивановна, и все же следовало бы раскопать курган Садовый в Новочеркасском институте виноградарства. Чем черти не шутят, когда историки спят.

– Борис Борисович, у меня людей в обрез.

– Ну что ж, на это дело людей вам добавлю. Жду ваших предложений.

Услышав мнение Пиотровского, Серафима Ивановна решила дополнить свою Кобяковскую экспедицию еще одним специалистом – археологом. Но те, кому она предлагала пополнить ее экспедиционный ряды, уже были заняты в других экспедициях. Свободным оказался лишь аспирант Лев Клейн.

Лев был уже умудренным жизненным опытом человеком. Не единожды возглавлял на раскопках университетские студенческие отряды. Там же Лев и познакомился с особым начальником археологических экспедиций – волевой женщиной – прирожденным командиром. И ранее в университете Льва предупреждали, чтобы не вступал с ней в пререкания, потому что почти весь Институт археологии пляшет под ее дудку. Ведь она – коммунистка до мозга костей, каждому может вправить мозги.

Лев, зная характер Капошиной, напрягся, как было положено льву, для схватки. Услышав ее предложение участвовать в ее раскопках, сразу же ее предложение отверг. Но она, Капошина, не была бы командиром и коммунисткой Капошиной, если бы не достигла бы своей цели. В присутствии директора Ленинградского отделения Института археологии Б. Б. Пиотровского долго уговаривала Льва, сулила интересную работу и право на обработку и публикацию материалов.

– Лев, все, что раскопаете, будет ваше, – обещала она, имея в виду, конечно, авторское право, а не собственность.

Директор Б.Б. Пиотровский подтвердил, что так оно и будет. Наконец-то, Клейн согласился, оговорив для своего отряда отдельный участок на большом расстоянии от остальной экспедиции, чтобы лишний раз не соприкасаться с Капошиной.

Серафима Ивановна сдержала свое слово. Определила отряду Клейна участок почти в тридцати километрах от Кобяково городища на окраине Новочеркаска. Посчитала, что Садовый участок малоперспективный, так как недалеко находился сто лет назад разрытый водопроводчиками золотой курган Хохлач, так что из-за маловероятности исторических находок в Садовом курганчике ее присутствие на раскопах Клейна не обязательно.

К началу лета экспедиция была готова к выезду на юг. Однако, кто мог из жителей СССР и ленинградских археологов предположить тогда, что лето 1962 года будет тяжелейшим испытанием для них?

Ленинградцы со своими чемоданами погрузились в поезд. Но доехать до Новочеркаска не смогли. Поезд был остановлен надолго на предыдущей станции.

В столице донского казачества началось восстание!

И все же на территории Новочеркасского Всесоюзного научно-исследовательского института виноградарства и виноделия раздались крики:

– Золото! Как много золота!

Позже Серафима Ивановна рассказала на страницах журнала «Наука и жизнь»:

«...Особенно сенсационными оказались раскопки лета 1962 года. Терпение и кропотливый труд ленинградцев и ростовчан были вознаграждены сполна. Как обычно бывает в этих случаях, открытие было закономерным и одновременно неожиданным. На территории Всероссийского института виноградарства и виноделия стояли два ничем не примечательных кургана. Дирекция института предложила участникам экспедиции раскопать их, чтобы впоследствии разровнять здесь землю. Один из курганов принадлежал племенам далекой эпохи бронзы, но зато второй, называвшийся Садовым, таил в себе сокровища.

Первые слои земли снял, как всегда, бульдозер. И вдруг ослепительно блеснуло золото. Только не торопиться! Бульдозер остановлен, роют лопатами, потом счищают землю тонкой кисточкой... Но благородный металл не боится времени. И вот в руках археологов серебряные чаши, большой сосуд для вина, золотые украшения боевого коня... И все это находилось в насыпи кургана. Под насыпью оказалась одна могильная яма, начисто ограбленная. Никаких остатков костей (как и в Хохлаче). Зато в грабительском ходе было собрано свыше 200 мелких золотых бляшек с маленькими дырочками. На некоторых сохранились золотые нити-проволочки.

Украшения конской узды были уникальны. Всего в насыпи было четырнадцать фаларов (умбон – украшение конской узды), два больших и двенадцать поменьше. Видимо, узда была снята с двух лошадей. Основой фаларов служили массивные серебряные диски, которые были обтянуты золотыми тисненными пластинами с изображением хищных зверей. В центре больших фаларов помещена пантера, терзаемая грифоном, а вокруг расположены пятнадцать стилизованных пантер, по краю – двадцать птичьих голов. Глаза, уши, плечи, бедра и лапы животных подчеркнуты цветными камнями и бирюзой. Блестят гранатовые глаза. Еще в поле, во время раскопок, как только были обнаружены эти фалары, вспомнились находки из Хохлача. Тот же сарматский стиль, те же художественные приемы. Те же пантеры, что и на флаконе из Хохлача. Один фалар был рассечен в древности. Возможно, что враг ударил копьем или кинжалом в грудь боевого коня...»

«– Когда был похоронен знатный сармат? – расспрашивала Серафиму Ивановну журналистка.

– Само погребение не сохранилось. Зато есть все признаки богатой тризны: предметы раскладывались вокруг могилы – в спешке грабители не увидели их. Вот закоптелый большой котел, в котором варили мясо. Бок его пробит. Случайно? Вряд ли. По обычаю древних, вещи

тоже должны лишиться «души», «умереть», чтобы перейти к владельцу в загробном мире. Вот остатки дерева и камыша на краях могильной ямы. Все так же, как и в кургане Хохлач. Да и сами вещи были очень похожи на Новочеркасский клад.

– Каково же происхождение серебряных чаш с медальонами?

– Сходство изделий местных мастерских (золотые фалары и золотой флакон) с вещами из Хохлача позволяет отнести Садовый курган к тому же или очень близкому времени, что и захоронение в вашем новочеркасском кургане Хохлач. Кстати Хохлач находится километрах в трех отсюда, ближе к центру города. Находки на тризне, например, литой сарматский котел, сближают тот курган во времени с курганами, раскопанными в Богаевском районе Ростовской области. Вся эта группа погребений, видимо, относится к одной эпохе, приблизительно к концу первого века до нашей эры. Но восемь серебряных чаш и серебряный лутерий, по всей вероятности, древнее самого кургана; это изделия античной торевтики.

Сохранилось очень интересное описание многих памятников греческого искусства у римского писателя Плиния Старшего. Он писал и о том, что обычно мастера – торевты создавали парные серебряные сосуды, развертывая тот или иной мифологический сюжет на двух изделиях. Среди восьми серебряных чаш, найденных в 1962 году в кургане Садовый, выделяются три пары чаш и две одиночные. Плиний говорит, что римляне высоко ценили изделия греческих торевтов, а потому, как правило, с них снимали копии, очень берегли их.

Для определения времени и места производства этих серебряных чаш можно не только сравнивать эти чудесные изделия с памятниками позднего эллинизма, искать им аналогии, но и полезно вспомнить речи знаменитого Цицерона. В семидесятом году до нашей эры в Риме проходил судебный процесс над римским наместником Верресом, управлявшим Сицилией и беспощадно грабившим ее.

Цицерон в своих речах обвинял Верреса в произволе и притеснениях граждан Сицилии.

Оказывается, Веррес особенно охотился за серебряными медальонами, украшавшими чаши или кубки.

Вот как говорил об этих привычках богатого римлянина Цицерон:

«Едва наместник видел блюдо с превосходным медальоном, он тотчас уносил с гостеприимной трапезы это драгоценное достояние пенатов и богов. Он вынимал медальоны, а остальное серебро бескорыстно возвращал обратно.

Однажды он обедал у знатного Евполема. Тот поставил на стол только чистое серебро, чтобы его не обчистили самого. Только два маленьких кубка были с медальонами.

Пропретор тут же, на виду у гостей, позаботился снять медальоны с этих двух маленьких кубков, точно забавник и скоморох, считающий своим правом требовать себе подачку со стола».

Из этого отрывка блестящей речи Цицерона можно понять, что медальоны были съёмными, раз они легко вынимались. Восемь чаш из Садового пролежали в земле две тысячи лет. Поэтому, когда их нашли, медальоны отпали ото дна».

«– Вы удивительный археолог! Какие находки из Садового вас поразили больше всего?

– На медальонах трех найденных мною чаш красуются nereиды, плавающие на морских конях с рыбьими хвостами – гиппокампах. Греческие художники и скульпторы очень часто обращались к этим поэтическим образам. Нереиды – символ тихого, не бурлящего моря, символ играющих волн. Вот nereиды везут оружие Ахиллу. Отдал свои доспехи Ахилл любимому другу Патроклу, но погиб Патрокл под Троей, и нет у Ахилла ни друга, ни доспехов. Узнала об этом мать Ахилла, Фетида, дочь морского царя Нерея, и упростила бога Гефеста выковать Ахиллу новые чудесные доспехи. На одном из наших медальонов nereида везет Ахиллу щит и меч, на другом – панцирь и шлем. Затеяливо извиваются хвосты морских животных. Изящно обнаженное женское тело, картина жива, фигуры привлекают легкостью, красотой линий. На

одной из чаш изображена игривая, совсем жанровая картинка. Проказник Силен, веселый спутник Диониса, забрался на дерево и мешает сборщику винограда рвать виноград, висящий крупными гроздьями по сухим ветвям. Силен схватил корзинку и нахлобучил ее на голову работнику...»

В лабораториях Ленинградского отделения Института археологии было определено, что на доньшках чаш и на краях медальонов имелись следы припая из сплава свинца с оловом. Следовательно, в то время, когда на тризне из этих чаш пили вино, медальоны были припаяны к доньшкам, хотя и не очень прочно. Не всегда, решили ленинградские археологи, потому что у части кубков доньшко под медальоном было позолочено.

– Зачем же в вино класть медальоны?

– Наверное, потому что вино становится еще прекраснее, если на дне чаши блестит медальон!»

Журналистка из «Науки и жизни» спросила С.И. Капошину, найденные вами сокровища были скифскими или сарматскими? Серафима Ивановна ответила неоднозначно:

«Кто такие скифы и кто такие сарматы? Скифы жили в Великой Степи приблизительно с VII века до новой эры по I век новой эры. Сарматы их сменили. У них было много общего. И те, и другие любили золото, сравнивали его с Солнцем! Верили в загробную жизнь. Поэтому хоронили покойников с предметами, которые могли бы обеспечить усопшим в загробной жизни приличное существование. Как помнит читатель, в 1864 году в Новочеркасске в кургане Хохлач был раскопан золотой клад. И вот теперь я даю интервью журналу «Наука и Жизнь» еще об одном потрясающем новочеркасском кладе, который раскопала я!

– Эти драгоценности изготавливали сами скифы и сами сарматы?

Серафима Ивановна постаралась ответить и на этот вопрос:

– У сарматов были широкие торговые связи с римлянами. Боспорский царь Митридат со столицей в Керчи очень долгое время воевал с Римом. Ему помогали сарматы. Они ходили походами и в Малую Азию, и в Понт, и в Закавказье. Эти походы сопровождалась разбоем и грабежом. Так что сарматы могли извлечь эти драгоценные вещи из ограбленных ими регионов.

Иногда сарматы даже не знали точного употребления вещей, захваченных ими. В кургане был найден большой серебряный сосуд для омовения – лутерий. Он очень тяжелый и вряд ли был изготовлен для повседневного быта. Но лутерий попал к варварам, не знавшим, что делать с этим греческим сосудом. На сарматской тризне из лутерия разливали вино, а греки мыли в нем руки.

– Серафима Ивановна, кто вам подсказал провести раскопки рядом с Хохлачем?

– Моя интуиция. Я ведь опытный археолог.

– Вы были руководителем экспедиции. Кого вы можете отметить из ваших подчиненных?

– Они все были трудолюбивыми, даже можно сказать трудоголиками. Экспедиция состояла из отрядов. Их руководителями были Т.А. Владимирова, Т.Д. Белановская, Л.С. Клейн и другие.

– Поздравляю вас, Серафима Ивановна с выдающимся успехом в области археологии!

– Спасибо. Буду и дальше трудиться, чтобы раскрыть тайны скифов и сарматов».

Закончила свою статью ленинградская журналистка О. Колесова следующими словами: «Драгоценности были переданы на хранение в Ростовский музей краеведения.

Богата древними сокровищами донская земля. Все новыми находками радуется она археологическую науку, открываются все новые и новые этапы истории юга нашей страны. Еще долгое время ученые будут изучать изделия, найденные в Садовом кургане».

10. Неужели Капошина присвоила открытие второго золотого кургана во время Новочеркасского восстания? Новый поворот событий в деле об открытии золота Садового кургана археологом Львом Клейном во время Новочеркасского восстания

Серафима Ивановна Капошина в интервью журналу «Наука и жизнь» отметила среди своих руководителей археологических отрядов – трудоголиков аспиранта Льва Самуиловича Клейна. Ему были поручены раскопки Новочеркасского кургана Садовый. Лев Самуилович рассказал о «садовых» раскопках в своей книге «Трудно быть Клейном». Два рассказа о раскопках Садового – две противоположности! Читатель, часто ли мы встречаемся в жизни с борьбой противоположностей? И в жизни, и в науке такая борьба заставляет задуматься, не сошли ли с ума люди! Но наберитесь терпения, уважаемые читатели, прочитайте дальнейшее повествование, у вас волосы встанут дыбом!

Ныне Лев Самуилович Клейн – интереснейший советский и российский учёный, археолог, культур-антрополог, филолог, историк науки. Он – профессор, доктор исторических наук, один из основателей Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Лев Самуилович Клейн родился 1 июля 1927 года в Витебске, в интеллигентной еврейской семье, атеистической и сильно русифицированной: дома обиходным языком за два поколения до Льва был русский. Спустя многие годы, в одном из интервью этот известный ныне археолог признался:

«Я не особенно чувствую себя евреем. Свое еврейство я ощущаю только, когда наталкиваюсь на барьеры со стороны властей. В семье у нас не разговаривали ни на идише, ни на иврите, и у нас не было иудейской религии».

В 1941 году оба родителя Льва Клейна были призваны в армию в качестве врачей. Их дети – старший сын Лев и младший сын Борис – вместе с дедом и бабушкой были эвакуированы из Витебска в Йошкар-Олу (с 1930 года Марийская автономная область, с декабря 1936 года – Марийская АССР, с 22 октября 1990 года – Марийская ССР, с 9 декабря 1992 года – Республика Марий Эл). Там школьник Лев поначалу работал в колхозе, затем окончил восьмой и девятый классы средней школы и в 16-летнем возрасте ушел на фронт вольнонаемным.

В 1944 году на 3-м Белорусском фронте служил в военно-строительной части и прошёл с нею от Смоленска до Каунаса. После сильной контузии Клейн лечился в госпитале.

После войны поселился в Гродно. Там после демобилизации жили его родители – врачи. В Гродно Лев Клейн сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости. Поступил в Гродненский педагогический институт на факультет языка и литературы. В то время у студента Льва Клейна не сложились отношения с руководством института и секретарем горкома партии. Пришлось уехать в Ленинград.

В Ленинградском государственном университете стал единственным студентом в России, обучавшимся одновременно на двух дневных очных отделениях факультетов – филологическом и историческом. Окончил студент Клейн только исторический факультет.

В ленинградские студенческие годы Клейн выступал с опровержением господствующего в то время «нового учения о языке» академика Марра. Во время обучения в аспирантуре был против антинорманизма, господствовавшего во взглядах советских археологов в вопросах происхождения Киевской Руси.

Не понравилось юному Льву Клейну учение академика Марра из-за того, что Николай Яковлевич Марр проповедовал идею о языке, как о «надстройке» над социально-экономиче-

скими отношениями в обществе (рабовладельческими, феодальными, капиталистическими, социалистическими, коммунистическими). Молодой Клейн был против того, что язык формируется под влиянием социально – экономических отношений, то есть капиталист и рабочий говорят на разных языках. Поэтому стал отстаивать традиционную индоевропейистику.

Одним словом, молодой Клейн был весьма неудобным человеком для карьеристов. Как можно было спорить с давно уже ушедшим из жизни (Н.Я. Марр умер в 1934 году) академиком двух академий – императорской и советской – и обласканным Сталиным?

Давайте вспомним, что в июне – июле 1930 года состоялся XVI съезде ВКП(б). На нем выступил И.В. Сталин. В своей речи он использовал идею Марра о языке. Сразу после Сталина слово было предоставлено Марру. Николай Яковлевич поблагодарил вождя за прекрасную оценку его новой языковой теории. Сталин и раньше (с 1913 года) писал о языковой политике, в том числе в годы, когда был наркомом по делам национальностей в 1919 году.

Одним словом, в конце сороковых годов, когда учение Сталина и Марра о языке было в СССР уже общепризнанным, явился новый бунтарь в лице Льва Клейна. Бунтарем он и оставался в течение всей своей жизни.

В 1948–1949 годах началась очередная «борьба с космополитизмом». Заодно началась проработочная кампания против марристов, направленная на отказ от «буржуазной» науки и ортодоксального следования теориям Марра. Л.С. Клейн тоже приложил к ней руку.

В книге «Сталин. Двор красного монарха» английского публициста Саймона Себаг-Монтефиоре (Москва, издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 2006 год) рассказано, что в 1949 году Иосиф Виссарионович получил письмо от грузинского лингвиста Арнольда Чикобавы с критикой теории Марра. Иосиф Виссарионович в апреле 1950 года вызвал Чикобаву на обед, который продолжался с 9 вечера до 7 утра. Во время трапезы Иосиф Виссарионович старательно делал заметки. Таким образом, он уяснил основные аргументы против марризма, что положило конец его идеологическому господству в советской лингвистике. Позиция Сталина в данной области была выражена в работе «Марксизм и вопросы языкознания», опубликованной в газете «Правда» во время дискуссии о языкознании в июне-августе 1950 года. Лингвистика, благодаря вмешательству Сталина, освободилась от диктата марризма, 20 лет назад утвердившегося при участии все того же Иосифа Виссарионовича.

Должно было пройти еще время, чтобы в языкознании разгорелся новый спор на этот раз о компетентности Сталина в вопросах языкознания, чтобы утвердился новый подход к языку. И на этот раз не обошлось без Клейна! Бунтарь есть бунтарь!

Но не будем вдаваться глубоко в вопросы языкознания. Для нас они лишь подчеркивают своенравный характер Клейна. Основным увлечением у Льва Самуйловича была археология.

Два десятилетия Лев Самуйлович преподавал на кафедре археологии Ленинградского университета. Разрабатывал основы собственной теории археологии. Это тоже мало кому нравилось.

Нашлись непримиримые противники Клейна и в археологии. Донесли на него в КГБ. В 1981 году КГБ завел уголовное дело против непокорного Льва Самуйловича. Ему приписали, чтобы вы думали? Шпионаж или взяточничество? Нет! Гомосексуализм! И он был осужден!

После освобождения в 1982 году Клейн был лишен ученой степени и звания, его долго не принимали на работу. Лишь в годы перестройки он смог устроиться в одно из зарубежных учебных заведений. После распада СССР стал профессором Санкт-Петербургского государственного университета. До 1997 года преподавал в Европейском университете. После выхода на пенсию в 70-летнем возрасте Клейн продолжил преподавание за рубежом.

Позвольте предоставить слово автору книги «ТРУДНО БЫТЬ КЛЕЙНОМ». Вы понимаете теперь весь смысл названия этой книги?

«– Начальник! Начальник! Скорее!»

Крик – необычное дело на раскопках. К тому же кричал старейший рабочий, обычно отменно вежливый, никогда не позволявший себе обращаться к начальству без имени и отчества. Кричали и другие.

Оборвав запись на полуслове и подхватив с колен полевой дневник, я бросился к центру раскопа. Там, в самом верху курганной насыпи, застывши кружком, студенты с лопатами в руках неотрывно глядели вниз на что-то находившееся в середине, боясь пошевелиться.

Золото! Много золота! Цветные камни! Всё горело на солнце ослепительно ярко в черной развороченной земле. Кто мог ожидать, что золото окажется под самой вершиной кургана Садовый? Бульдозер срезал дно огромного таза, которым были прикрыты сокровища сарматского царя: 8 серебряных с позолотой чаш для вина тончайшей греко-римской работы с накладными медальонами, 14 массивных круглых блях, в золото которых были утоплены гроздь цветных камней – бирюзы, гранатов – это украшения сбруи царского коня; мелкие золотые вещицы.

Серебряный таз слегка позеленел от времени, но серебро чаш, защищенное тазом и, разумеется, золото сверкали такой чистотой, как будто были положены в курган две минуты, а не две тысячи лет тому назад...».

Но вернемся в 1951 год. В руках у Льва после окончания Ленинградского университета диплом с отличием. Пытался Лев с 1951 по 1954 год поступить в аспирантуру. Но ни в Ленинградском университете, ни в Московском Институте археологии, ни в Минском университете места в аспирантуре для него не нашлось.

Пришлось Льву Клейну поработать в одной из археологических экспедиций, а затем школьным учителем в российской глубинке. Параллельно готовился к тому, чтобы стать аспирантом. В 1955 году была опубликована его первая научная работа.

Только в 1957 году Лев Самуйлович поступил в аспирантуру Ленинградского университета по археологии. Ее он окончил в 1960 году. Затем читал лекции на той же кафедре без оплаты и без официального оформления курса в бумагах, а в 1962 году был принят в штат кафедры в качестве ассистента. В 1968 году Клейн защитил кандидатскую диссертацию «Происхождение Донецкой катакомбной культуры». С 1976 года – доцент.

Будучи аспирантом, он был уже умудренным жизненным опытом человеком. На раскопках возглавлял университетские студенческие отряды. Там же Лев и познакомился с начальником археологических экспедиций – особой женщиной и урожденным командиром. В университете Льва предупреждали, чтобы не вступал с ней в пререкания, потому что почти весь Институт археологии пляшет под ее дудку. Ведь она – коммунистка до мозга костей, каждому может вправить мозги.

Это была Серафима Ивановна Капошина.

По приезду в июне 1962 года в Новочеркасск Л.С. Клейна, руководители города предупредили его, чтобы члены его отряда как можно меньше контактировали с жителями города и что его отряд и ход раскопок будет контролироваться милицией.

С основным составом экспедиции С.И. Капошина обосновалась на окраине Ростова-на-Дону. Провожая отряд Л.С. Клейна в Новочеркасск, Серафима Ивановна заявила:

– Лев, предупреждаю: не потерплю антисоветчину! Твое дело – раскопка! Если найдете в курганах такое же золото, как сто лет назад было обнаружено в Хохлаче, тогда подарю вам машину в обмен на сокровища.

Клейн отметил про себя:

«Машины у тебя и самой-то нет, так что этот не совсем бескорыстный дар мне не грозит».

Работать было трудно! Давила тяжесть новочеркасского расстрела. Как ни скрывало руководство страны произошедшее накануне в городе, но некоторая информация о нем все же проникла в отряд. Хотелось скорее уехать.

Срок экспедиции уже истекал, когда в раскопе засверкали золото и бирюза. Сокровища оказались исключительно ценными. Пока отрядный фотограф делал снимки, засуетилась милиция. И сразу прибыли чекисты.

Клейн дал телеграмму Начальнице.

Помощник Льва студент Марк Щукин (ныне известный ученый, доктор наук) произнес:
– Серафима Ивановна будет довольна! Обрадуется! Машиной не машиной, но чем-то уж точно наградит.

Лев невесело улыбнулся:

– Насколько я успел ее узнать, этого ждать не приходится. Она примчится меня увольнять.

– Как это?

– Ведь она всю жизнь мечтала о подобном открытии, а досталось оно не ей. Ее при открытии не было.

– Так ведь мы все в ее экспедиции. Документ на право раскопок у нее.

– Да, но открытие числится не за тем, у кого документ, а за тем, кто реально руководил раскопками. Она это понимает, и в этом моя беда.

Не веря опасениям Клейна, помощник все же спросил:

– А вам нужно это золото?

– К чему? Не моя тема.

– Значит, если потребует, отдадите ей и уедете. Чего же вам беспокоиться?

Клейн пояснил:

– Рад бы, но нельзя. Ведь мое увольнение ей надо будет как-то мотивировать, а с ее нравом... После моего отъезда что ей стоит создать искусственные основания? Пару раз копнул не там – уже грубое нарушение, дисквалификация. Потом не отмоешься. Нет, надо доводить дело до конца.

Пусть меня простит Лев Самуйлович из-за того, что я несколько сократил его разговор с Марком Щукиным. Но далее пойдет текст без сокращения, ибо далее он является свидетельством морали поступков советских людей.

«Назавтра приехала Начальница – туча-тучей. Остановившимся взглядом вперилась в золото, потом отозвала меня в сторону и сказала: «Вот что. Мы с вами не работали. Я не могу доверить вам дальнейшее руководство. Забирайте с собой своего помощника и немедленно уезжайте, передав мне всю документацию». Я сказал, что это исключается. За день до открытия – куда ни шло, а днем после открытия – нет. Поскольку я в штате, то увольнение – только через дирекцию в Ленинграде, а я, пока суд да дело, закончу работы. «Ах так, тогда с сегодняшнего дня, – объявила она, – я перестаю платить деньги вашим рабочим». Я созвал рабочих и сказал, что экспедиция не в состоянии далее оплачивать их работу, но кто согласен работать бесплатно, могут остаться в качестве моих личных друзей.

Все захотели остаться и разошлись по рабочим местам.

«Тогда, – выложила она последнюю карту, – я заявляю в КГБ, что вы вели антисоветские разговоры, возмущались расстрелом демонстрации».

Я был несколько озадачен таким поворотом и сказал:

«А я-то раньше не верил слухам о вас, что доносы строчили».

«Напрасно не верили, – отвечает, – в свое время я многих посадила. Фигуры были не вам чета!»

И стала перечислять, загибая пухлые пальцы. Ни дать, ни взять – ласковая бабушка из детской потешки «*Ладушки*»: кашку варила, деток кормила; этому дала, этому дала, а этому (мизинцу) не дала.

«А с вами и подавно справлюсь», – свирепо закончила она, и на меня глянули волчьи глаза.

«Что ж, – говорю, – сейчас не 30-е годы и даже не 50-е. По одному доносу не сажают. Разговор окончен».

И прошу милиционеров (они знали только меня) удалить посторонних.

Тут Начальница базарным голосом начинает кричать, что вот-де, уже незаконно сделаны цветные снимки сокровищ! Что снимки эти представляют государственную ценность! Что они могут ускользнуть на Запад, так как здесь есть люди, связанные с Западом! Что она требует выдачи фотоснимков ей (это она, чтобы лишить меня возможности что-нибудь опубликовать).

Услышав такие речи, незаметный человек предъявляет удостоверение, просит меня сдать ему все пленки, а фотографа говорит:

– Прощу следовать за мной! – и мы остались без пленок и без фотографа.

Откровенно говоря, я думал, что возможность доноса – пустая угроза, что отнятием пленок дело ограничится. Но скоро выяснилось иное. Как мне позже рассказал сотрудник экспедиции, которого она, запугав до смерти, взяла с собой как свидетеля, она отправилась с ним к самому большому в Новочеркасске начальнику КГБ. После событий в городе это начальство в нем переменялось. Вот этому новому начальнику она стала, пылая праведным гневом, повествовать о моих антисоветских высказываниях:

– Я, как коммунист и патриот, не могла стерпеть...

Начальник слушал спокойно, а потом тихо так сказал:

– Вы думаете, мы не в курсе того, что за спор возник в экспедиции, и не понимаем, чем вызвано ваше заявление? Хотите нашими руками расправиться с неудобным, конкурирующим с вами сотрудником? Мы – новочеркасцы – иначе представляли себе облик ленинградского ученого. Если в Новочеркасске произошли события, вызвавшие необходимость вмешательства в них руководства страны, то это не означает, что мы, новочеркасцы, должны плясать под ваш, Серафима Ивановна, партийный саксофон! Решайте свои научные проблемы по научному. Уходите!

Тотчас освободил фотографа, а через несколько дней вызвал меня, и, извинившись, вернул пленки. К этому офицеру я проникся уважением: он был явно не из 37-го года.

Пленки я сразу же сдал Начальнице. Она напоминала шину, из которой выпустили воздух. Предложила мне заключить письменное соглашение о разделе авторских права, но я и не собирался лишать ее добытых материалов.

Обжаловав ее неправомерные действия, я сделал небольшую публикацию об открытии (без иллюстраций), после чего отступился от всего на много лет.

А Начальница еще долго, показывая на своих докладах сокровища или их фото, патетически восклицала: «Вот этими самыми руками я доставала их из земли!» Ради возможности произнести эту эффектную фразу она готова была упрятать меня в лагерь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.